PG3343
.K353
B67
1902

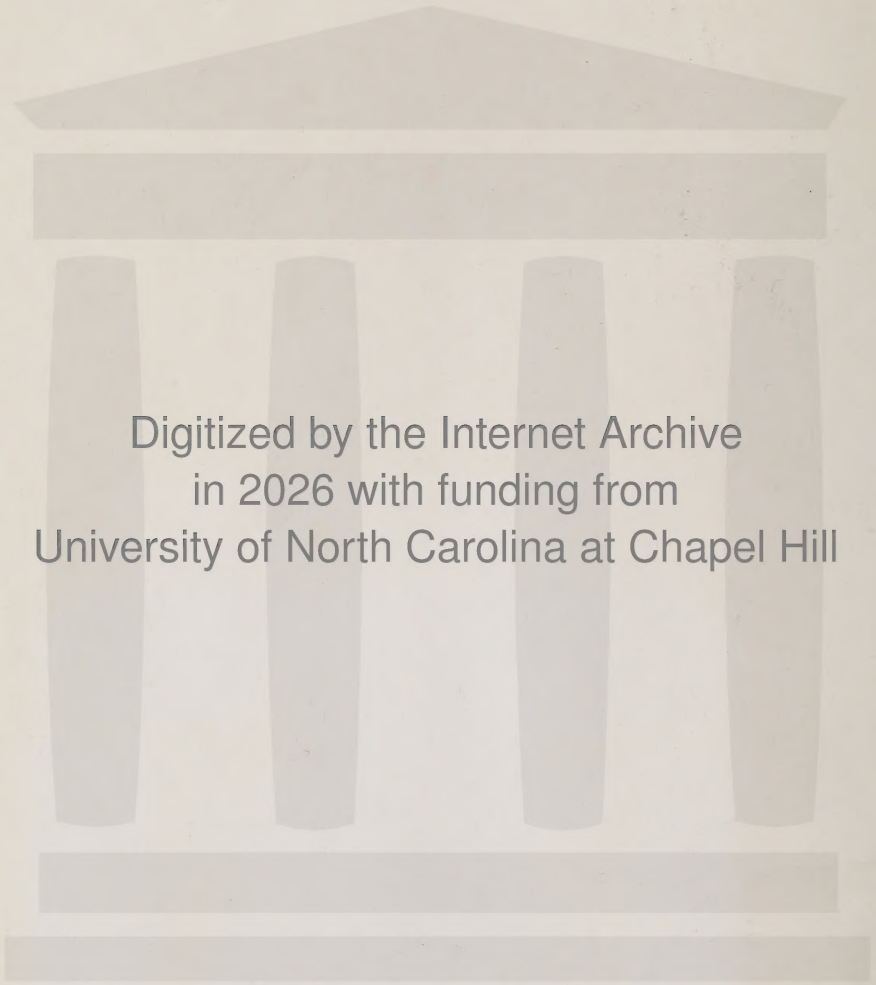
NOVYI SPISOK POEMY A.S. PUSHKINA
"KAVKAZSKII PLENNIK"

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3343
.K353
B67
1902

00005556668



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/novyspisokpomyas00bots

В. О. Боцяновскій.

PG3343
.K353
B67
1902

НОВЫЙ СПИСОКЪ

ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА

„КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ“.

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ИЗЪ СБОРНИКА: „Памяти Л. Н. Майкова“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1902.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Января 1902 года.

Новый списокъ поэмы А. С. Пушкина „Кавказскій Плѣнникъ“.

I.

Небольшіе и никому неизвѣстные частные архивы хранятъ въ себѣ иной разъ весьма цѣнные историко-литературные матеріалы, которымъ ихъ обладатели не придаютъ подобающаго значенія и которые, поэтому, подвержены всякаго рода случайностямъ.

Лишнимъ подкрѣпленіемъ этого общеизвѣстнаго наблюденія можетъ служить недавняя находка новой рукописи «Кавказскаго Плѣнника» А. С. Пушкина, подвергавшейся весьма серьезному риску быть совершенно и навсегда утраченной. Найдена она среди бумагъ скончавшейся 5-го апрѣля 1901 года въ Петербургѣ княжны Ольги Георгіевны Чагадаевой, которая берегла ее какъ память отца, но не какъ рукопись Пушкина и потому не вспомнила о ней даже въ дни Пушкинскихъ празднествъ, когда все говорило о Пушкинѣ и когда тщательно выносили на свѣтъ Божій каждую Пушкинскую строчку. Передъ смертью она подарила эту рукопись въ числѣ прочихъ, небольшой цѣнности вещей, своей племянницѣ Татіанѣ Александровнѣ Лодыженской, у которой проживала нѣкоторое время до своей смерти. Судебный приставъ, производившій опись имущества покойной, очень пренебрежительно отнесся къ небольшой старенькой тетрадкѣ и выбросилъ ее какъ вещь никому ненужную и не представляющую собой никакой цѣнности. Только благодаря тому, что на тетрадку обратилъ вниманіе Дмитрій Викторовичъ Лодыженскій, которому почеркъ показался напоминающимъ руку Пушкина и который замѣтилъ на одномъ изъ лист-

ковъ типичный Пушкинскій портретъ, рукопись была сохранена и не погибла среди другого хлама, какъ погибли нѣкоторыя рукописи, быть можетъ, даже Пушкинскія, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросила въ огонь сама княжна Чагадаева, унаслѣдовавшая ихъ вмѣстѣ съ рукописью «Кавказскаго Плѣнника» отъ своего отца князя Георгія Николаевича Чагадаева[1]).

Князь Г. Н. Чагадаевъ (родился 18-го января 1812 года, умеръ 4-го іюля 1878) получилъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По тому времени это былъ человѣкъ разносторонне образованный и большой почитатель Пушкина. Начавъ службу въ драгунскомъ нижегородскомъ полку, куда поступилъ въ 1829 году юнкеромъ, онъ почти все время служилъ на Кавказѣ и въ 1839 году былъ назначенъ адъютантомъ къ другу Пушкина генералъ-лейтенанту Н. Н. Раевскому, занимавшему въ то время должность начальника Черноморской береговой линіи. Въ этой должности онъ оставался до февраля 1842 года, когда Н. Н. Раевскій былъ отчисленъ по кавалеріи. Эта небольшая біографическая справка, заимствованная нами изъ формуляра князя Г. Н. Чагадаева показываетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ автографъ А. С. Пушкина очутился въ частныхъ рукахъ князей Чагадаевыхъ. Очевидно, сохранившаяся, благодаря счастливой случайности, рукопись была подарена Н. Н. Раевскимъ своему адъютанту, большому почитателю Пушкина, а отъ него уже перешла къ дочери.

Что найденная г. Лодыженскимъ рукопись—дѣйствительно автографъ Пушкина въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для всякаго, кто имѣлъ случай работать надъ Пушкинскими рукописями. Кромѣ того, объ этомъ же свидѣтельствуетъ и сама редакція поэмы, совпадающая не съ печатнымъ текстомъ, а съ текстомъ рукописи «Кавказскаго Плѣнника», хранящейся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ. Печатный текстъ поэмы заканчивается строфой «Подобно племени Батыя» и т. д. Строфы этой нѣтъ ни въ нашей рукописи, ни въ рукописи Румянцовскаго Музея, а взамѣнъ ея въ обѣихъ рукописяхъ эпилогъ заканчивается такимъ образомъ:

---

1) Въ настоящее время Т. А. Лодыженскою рукопись передана во владѣніе прямыхъ наслѣдницъ: Зинаиды Георгіевны Лисициной и Надежды Георгіевны Стояновской, урожденныхъ княженъ Чагадаевыхъ.

Рукопись Румянцовскаго Музея.	*Рукопись князей Чагадаевыхъ.*
Смирились вы — умолкли брани	Смирились вы — умолкли брани
И тамъ гдѣ.... лани	И тамъ гдѣ прежде только лани
За вами пробѣгать могли	За вами пробѣгать могли —
[Князья] заоблачной державы,	Торжественно при кликахъ громкой славы
[Тамъ] мы при кликахъ громкой славы	Князья заоблачной державы
Знамена наши провели.	Мы наше знамя провели.

Впрочемъ, повторяемъ, въ подлинности рукописи не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и потому, не останавливаясь болѣе на этомъ вопросѣ, перейдемъ прямо къ ея описанію.

II.

Рукопись представляетъ собою небольшую тетрадку, состоящую изъ 18 обычныхъ четвертушекъ синеватой старой бумаги, и въ общемъ прекрасно сохранилась, если, впрочемъ, не считать того, что двѣ четвертушки рукописи вырваны и очевидно утрачены[1]). Бумага нашей рукописи заключаетъ въ себѣ водяные знаки, изображающіе льва съ жезломъ въ овальной рамкѣ. Водяными-же буквами обозначена фирма «Г. Шо(с)ночкина» и «1818 г.».

Начинается рукопись посвященіемъ «Н. Н. Раевскому». Существующихъ въ печатномъ текстѣ и рукописи Румянцовскаго Музея (см. «Рукописи А. С. Пушкина», В. Е. Якушкина — въ *Русской Старинѣ* 1884 г., т. XLII, стр. 87—90) эпиграфовъ изъ Pindemonte и Göthe въ нашей рукописи нѣтъ.

Строфа:

Забуду-ли, мой другъ, кавказскія вершины
до
Таится въ тишинѣ глухой

1) Вырваны мѣста, соотвѣтствующія печатному тексту: «Когда съ глухимъ сливаясь гуломъ» до «Коварный хищникъ съ нимъ таится» и затѣмъ отъ «Забытый средь пустыхъ долинъ» до «Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ» (Сочиненія Пушкина, т. II (ред. П. О. Морозова), стр. 283—285 и 292—293.

первоначально слѣдовала за стихомъ:

Я въ мирной пристани боговъ благословилъ,

но затѣмъ переставлена Пушкинымъ на то мѣсто, въ которомъ она стоитъ теперь въ печатномъ текстѣ.

Стихъ:

Я сердцемъ отдыхалъ

исправленъ изъ стоявшаго ранѣе:

Ты сердце зналъ мое.

Первоначальный стихъ:

Въ степяхъ Молдавіи, въ печальны дни разлуки

исправленъ такъ, какъ онъ читается въ печатной редакціи, то-есть:

Въ дни печальны, дни разлуки.

Листъ 1 об. даетъ нѣсколько новыхъ варьянтовъ.

Стихъ:

Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ

въ рукописи читается:

Какъ жертву милую, *какъ вѣрный цвѣтъ надеждъ.*

Затѣмъ стихъ:

Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ

имѣетъ варьянтъ:

Я жертва клеветы, зоиловъ и невѣждъ.

Стихъ:

И счастіе моихъ друзей

былъ редактированъ первоначально:

Поэтъ не унывалъ, и щастіе друзей и т. д.

Листъ 2. Здѣсь начинается поэма заглавіемъ «Кавказскій Плѣнникъ». Пѣснь I. Передъ заглавіемъ рисунокъ, изображающій женщину съ распущенными волосами, въ широкомъ длинномъ платьи. На поляхъ фигура Наполеона, въ его типичной трехуголкѣ и плащѣ. Здѣсь-же, рядомъ, женская головка, въ восточной повязкѣ, и недоконченный мужской силуэтъ.

Листъ 2 об. Стихъ:

Несчастный *тихо* приподнялся

ранѣе былъ:

Несчастный *плѣнникъ* приподнялся...

Листъ 3. На поляхъ нарисованъ вооруженный черкесъ, въ папахѣ. Вся страница исчерчена линіями, изображающими горы. На вершинѣ одной изъ нихъ стоитъ маленькая фигура человѣка, въ пледѣ и шляпѣ. Рядомъ съ нимъ стихи:

Кругомъ обводитъ слабый взоръ
И видитъ — неприступныхъ (сначала было:
«каменистыхъ») горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада.

Листъ 3 об. Послѣ стиха:

Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ

въ рукописи стоитъ два ряда точекъ и затѣмъ зачеркнутая Пушкинымъ строфа, которой въ печатномъ текстѣ нѣтъ:

Родился онъ среди снѣговъ,
Но въ немъ страстей таился пламень;
Въ минуты щастья сынъ пировъ
Во дни гоненья хладный (зачеркнуто
«твердый») камень,
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ и т. д.

Листъ 4. Куплетъ:

Свобода! Онъ одной тебя

до стиха:

Твой гордый идолъ обнималъ

въ рукописи перечеркнутъ крестомъ и затѣмъ цѣлымъ рядомъ спиральныхъ линій. Кромѣ того, на немъ набросанъ рисунокъ бѣгущаго въ скачь осѣдланнаго коня, безъ всадника. Въ куплетѣ есть два варьанта. Вмѣсто:

Еще искалъ въ *подлунномъ* мірѣ
Страстями *сердце погубя*

въ рукописи стоитъ:

Еще искалъ въ *пустынномъ* мірѣ
Страстями *чувства истребя*...

Кромѣ того, на этомъ-же листѣ вмѣсто стиховъ:

Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты

у Пушкина стояло:

Наскуча жертвой быть привычной
Презрѣнной *скучной* суеты

Листъ 4 об. Стихъ:

Ужъ меркнетъ солнце за горами

въ рукописи читается:

Ужъ вечеръ. Солнце за горами.

Надъ этимъ стихомъ, впрочемъ, имѣется блѣдная карандашная поправка (но безъ вычеркиваній), которую, очевидно, Пушкинъ и ввелъ потомъ въ текстъ. Поправка эта измѣняетъ стихъ такимъ образомъ:

Но меркнетъ солнце за горами.

Листъ 5. На поляхъ, на фонѣ темнаго, зачерченнаго густыми штрихами квадрата изображена стоящая на колѣняхъ женщина въ бѣломъ, съ растрепанными волосами — такая-же, какъ и на заглавной страницѣ. У ея ногъ лежитъ, облокотившись, повидимому, плѣнникъ. Рядомъ съ рисункомъ слова:

Луною чуть озарена
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ она и т. д.

Первоначально первый стихъ этой цитаты въ рукописи читался такъ:

Во мглѣ луной озарена.

Другими чернилами внесена поправка, которую мы привели выше. Равнымъ образомъ поправленъ также послѣдній стихъ въ куплетѣ:

Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи — и плѣнникъ оживаетъ,
Собравъ остатокъ *слабый* силъ...

Послѣдній стихъ измѣненъ тѣми-же чернилами:

И онъ собравъ остатокъ силъ...

Листъ 5 об. Первоначальная редакція:

И долго *дѣва* передъ нимъ
Опершись на руку сидѣла

измѣненъ Пушкинымъ въ:

И долго *долго* передъ нимъ
Она задумчива (зачеркнуто: «недвижна»,
«грустна») сидѣла.

Затѣмъ стихи:

Уста *невольно* каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались

первоначально были редактированы Пушкинымъ такъ:

Уста *живыя* каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались.

Листъ 6. Типичный портретъ поэта, встрѣчающійся и въ другихъ его рукописяхъ. Рядомъ съ нимъ головка военнаго. Стихи:

Быть можетъ, *сонъ любви забытой*
Боялся онъ воспоминать

въ рукописи Пушкинымъ поправлены:

Быть можетъ *сонъ давно забытый*
Боялся онъ воспоминать.

Листъ 6 об. Стихъ: *О, первый пламень* упоенья

въ рукописи читается:

Небесный пламень упоенья!

Вмѣсто стиха:

Вперялъ онъ неподвижный взоръ,

рукопись даетъ варьянтъ:

Остановлялъ онъ долгой взоръ.

Заканчивается л. 6 об. стихомъ:

Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ...

Затѣмъ слѣдуетъ пропускъ, объясняемый вырванной страницей рукописи, о чемъ сообщалось уже выше.

Листъ 7. Начинается стихомъ:

Коварный хищникъ съ нимъ таится.

Листъ 7 об. Въ стихахъ:

Черкесъ на *корни* вѣковые
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ

было написано раньше:

Черкесъ на *вѣтви* вѣковыя
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ.

Въ стихахъ:

Гдѣ на курганахъ *омраченныхъ*
Склонясь на копья, казаки...

было написано раньше:

Гдѣ на курганахъ *отдаленныхъ...*

Листъ 8. Стихи:

О чемъ ты думаешь казакъ!
Воспоминаешь прежни битвы
На смертномъ полѣ свой бивакъ и т. д.

представляютъ собой редакцію, сдѣланную Пушкинымъ въ рукописи князей Чагадаевыхъ взамѣнъ первоначальной редакціи:

Воспоминаешь прежни битвы
У стѣнъ Парижа твой бивакъ...

Въ стихѣ:

Съ окровавленнаго кургана

слово «окровавленнаго» было зачеркнуто, замѣнено словомъ «уединенаго», но затѣмъ опять возстановлено.

Листъ 8. Строфа:

Когда-же съ мирною семьей

до стиха:

Ночлега кровъ гостепріимный

(Сочиненія, т. II, стр. 286) пропущена, хотя относящіяся къ ней примѣчанія (9-е и 10-е) помѣщены въ числѣ прочихъ примѣчаній. По-видимому она была написана на отдѣльномъ листкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ буква «а», соотвѣтствующая поставленной, какъ увидимъ далѣе, на вставленной также позднѣе Черкесской пѣснѣ буквѣ «b». На поляхъ рукописи стоятъ значки, указывающіе на пропускъ строфы, очевидно, написанной отдѣльно.

Листъ 8 об. Стихи:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ

имѣютъ варьянтъ, на нашъ взглядъ болѣе удачный:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И жены робкія трепещутъ...

Послѣ стиховъ:

Когда друзьями окруженный
Онъ съ ними шумно пировалъ[1])

въ рукописи слѣдовали четыре стиха, которые, впрочемъ, Пушкинъ зачеркнулъ:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумства и похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Листъ 9 об. Начинается заглавіемъ: «Пѣснь II». Послѣ словъ:

Свободу, родину забудь

и передъ стихомъ:

Скрываться рада я въ пустынѣ

стоитъ значекъ, которымъ Пушкинъ указываетъ на перенесеніе въ это мѣсто четырехъ послѣднихъ стиховъ строфы, противъ которыхъ стоитъ такой же значекъ:

Непостижимой чудной (зачеркнуто «тайной») силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена!

Послѣдній стихъ, вошедшій и въ печатный текстъ, надписанъ другими, пожелтѣвшими чернилами вмѣсто ранѣе стоявшаго:

Тобою жизнь моя полна (л. 10).

Листъ 10. Стихъ:

Тоска любви безъ упованья

первоначально былъ написанъ карандашомъ между строкъ и затѣмъ уже наведенъ чернилами. Стихъ:

Онъ *изліялъ* свои страданья

---

1) Первоначальная редакція:

Онъ пѣнилъ праздничный бокалъ

въ рукописи первоначально читался:

Онъ *обнажилъ* свои страданья.

Листъ 10 об. Стихи печатнаго текста:

Забудь меня: твоей любви
Твоихъ возторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другого юношу зови

являются поправкой, которую сдѣлалъ Пушкинъ въ нашей рукописи взамѣнъ ранѣе стоявшихъ у него стиховъ:

Несчастный Другъ! Твоей любви
Душа страдальца недостойна.
Забудь меня, живи спокойна,
Другаго юношу зови.

Стихъ:

Безъ упованья, безъ желаній

читается въ рукописи:

Безъ упоенья, безъ желаній и т. д.

Листъ 11. Послѣ стиховъ:

Въ тѣ дни какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ

стояло четыре стиха, которые, однако, зачеркнуты карандашомъ:

Въ тѣ дни, когда холмы, дубравы
Могучій вѣтровъ вольный шумъ (зачеркнуто перомъ).
Дѣвичій взоръ, веселій шумъ (зачеркнуто: «клики славы»)
Дары любви, желанья славы
Еще плѣняли жадный умъ.

Слѣдующія за симъ стихи:

Но поздно! Умеръ я для счастья
Надежды призракъ улетѣлъ

являются поправкой, сдѣланной Пушкинымъ въ нашей рукописи болѣе блѣдными чернилами вмѣсто стоявшихъ раньше стиховъ:

Но поздно! Умеръ я для счастья
Одно унынье мой удѣлъ...

Листъ 12. Къ стиху:

Въ рукахъ *любовника* лежала
Ея холодная рука

рукопись даетъ удачный варьянтъ:

Въ рукахъ *невольника* лежала

Листъ 12 об. заканчивается стихомъ:

Умру вдали береговъ желанныхъ.

Листъ 13 начинается стихомъ:

Ихъ прадѣды въ тѣни сидятъ.

Куплетъ этотъ, напечатанный согласно позднѣйшимъ поправкамъ, имѣющимся въ нашей рукописи, первоначально имѣлъ такую редакцію:

Ихъ прадѣды въ тѣни сидятъ:
У каждаго чубукъ дымится,
Чихирь въ завѣтный рогъ струится.
Сѣдые пьютъ и юныхъ дѣвъ
Знакомый (вар. «унылый», «протяжный»)
слушаютъ припѣвъ.
И старцевъ сердце молодѣетъ.
Такъ пѣли дѣвы. —

Впрочемъ, есть также нѣкоторая разница и между позднѣйшими поправками этого куплета сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Напечатано, напримѣръ:

Изъ трубокъ дымъ *вiясь* синѣетъ,

а въ нашей рукописи этотъ стихъ поправленъ:

Изъ трубокъ *легкой* дымъ синѣетъ.

Пропущенъ также въ печатномъ текстѣ стихъ, предшествовавшій Черкесской пѣснѣ и представляющій собой, какъ и сама пѣсня, болѣе позднюю вставку: «Такъ пѣли дѣвы». Въ первой редакціи, которую даетъ наша рукопись, «Черкесской пѣсни» въ этомъ мѣстѣ не было. Она написана на самой послѣдней страницѣ рукописи, послѣ примѣчаній (л. 18). То, что она должна находиться именно здѣсь, свидѣтельствуетъ поставленная на ней и въ этомъ мѣстѣ буква «b».

Листъ 13 об. Куплетъ, начинающійся словами: «Спѣши! сказала дѣва горъ» подвергся въ нашей рукописи большимъ поправкамъ, которыя вошли въ печатный текстъ. Первоначальная редакція этой строфы такова:

Спѣши, сказала дѣва горъ,
Все спитъ въ аулѣ. Стражи взоръ
Теперь нигдѣ тебя не встрѣтитъ.
Вотъ лишь не трать ночныхъ часовъ,
Возьми кинжалъ —
Бѣги, никто твоихъ слѣдовъ
Въ пустынѣ мрачной не замѣтитъ...
И молча твердою рукой
Его цѣпей она коснулась,
Упали слезы; подъ пилой
Визжитъ желѣзо; цѣпь согнулась
И, падши на скалы, гремитъ....

Листъ 14. Послѣ стиховъ:

И долгій поцелуй (sic) разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ

въ нашей рукописи стоитъ два стиха, опущенныхъ въ печатномъ текстѣ, при чемъ и редакція дальнѣйшихъ стиховъ существенно разнится отъ печатной:

Его томительную (зачеркнуто: «таинственную»)
нѣгу
Вкусила тутъ она вполнѣ.
Потомъ рука съ рукой ко брегу
Сошли, — и Русской въ тишинѣ
Ревущей ввѣрился волнѣ,

Плыветъ и быстры пѣнитъ волны;
Живыхъ надеждъ и силы полный
Желанныхъ скалъ уже достигъ,
Уже хватается за нихъ.

Листъ 15. Эта страничка, на которой заканчивается поэма, вся покрыта рисунками-портретами, которые представляютъ собой неотъемлемую принадлежность каждой Пушкинской рукописи. Не рѣшаясь утверждать, что рисунки эти имѣютъ вполнѣ реальную основу и представляютъ собой портреты лицъ близкихъ Пушкину, нельзя, однако, въ одномъ изъ этихъ портретовъ не видѣть нѣкотораго сходства съ Н. Н. Раевскимъ. Женская головка напоминаетъ мать поэта. Одинъ эскизъ имѣетъ очень большое сходство съ извѣстнымъ портретомъ самого Пушкина въ возрастѣ 12 лѣтъ. (Гравюра Е. Гейтмана).

Листъ 15 об. Печатная редакція стиховъ:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ возросшихъ на войнѣ

представляетъ собой поправку, сдѣланную Пушкинымъ въ нашей-же рукописи надъ его первоначальными стихами:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Народа *склоннаго къ войнѣ*

Листъ 16. Эпилогъ поэмы въ нашей рукописи заключаетъ въ себѣ нѣсколько варьянтовъ къ извѣстному печатному тексту въ стихахъ:

....Разкажетъ повѣсть дальныхъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Войну и гибель Россіянъ[1])
На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ!

Страница украшена изображеніемъ горъ, облаковъ и все той-же женщины, въ бѣломъ платьѣ, съ черными длинными локонами и въ круглой большой шляпѣ.

---

1) Первоначальная редакція этихъ стиховъ, измѣненная Пушкинымъ, была такова:

Измѣну, битву, поединокъ
И смерть ужасныхъ Россіянъ.

Листъ 16 об. Конецъ эпилога не носитъ извѣстной въ другихъ рукописяхъ даты: «20 февраля 1821. Каменка». Четыре послѣднихъ стиха зачеркнуты нѣсколькими перекрестными и витыми чертами. Стихи эти читались такъ:

Смирились вы — умолкли брани!
И тамъ, гдѣ прежде только лани
За вами пробѣгать могли —
Торжественно при кликахъ громкой славы,
Князья заоблачной державы,
Мы наше знамя провели.

Листъ 17. «Замѣчанія». Здѣсь приведены тѣ поясненія, которыя въ печатномъ изданіи помѣщаются подстрочно. Примѣчанія, набросанныя Пушкинымъ, очевидно, уже послѣ написанія текста, заносились имъ въ тетрадку и уже потомъ помѣчены цифрами сообразно съ порядкомъ текста. «Замѣчанія» эти расположены въ слѣдующемъ порядкѣ по номерамъ: 8, 1, 2, 3, 4, 6, 5, 10, 11, 7, 9, 12.

Въ самихъ примѣчаніяхъ есть нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Примѣчаніе 1-е въ рукописи читается такимъ образомъ: «Бешту кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска; *близъ нее находятся славныя цѣлительныя воды*». Въ поясненіи Байрама (примѣчаніе 11) прибавлено: «праздникъ разговѣнья, *мусульманская масленица*».

Листъ 17 об. Черкесская пѣсня. Послѣдній куплетъ ея имѣетъ нѣсколько помарокъ и редакція не носитъ характера законченности. Первоначально стояло:

На берегу гремучихъ водъ,

затѣмъ слово «гремучихъ» замѣнено словомъ «веселыхъ» и, наконецъ, «завѣтныхъ». Второй стихъ, повидимому, нужно читать:

Цвѣтутъ *веселыя*[1]) станицы,

хотя надъ этимъ стихомъ и стоятъ незачеркнутыя слова: «сдиятъ веселыя»...

---

1) Въ печатномъ текстѣ «богатыя».

Заканчивается рукопись датою: «Кубань», стоящею въ углу послѣдней страницы, подъ «Черкесской пѣснью».

III.

Стоящая въ концѣ рукописи Румянцовскаго музея и принятая въ печатныхъ текстахъ дата дала основаніе полагать, что «Кавказскій Плѣнникъ» былъ написанъ въ февралѣ 1821 года въ имѣніи Раевскихъ, с. Каменкѣ, Кіевской губерніи. Такое предположеніе послужило даже поводомъ для созданія легенды о томъ, какъ энергично работалъ въ Каменкѣ Пушкинъ. Легенду эту записалъ приватъ-доцентъ Кіевскаго университета А. М. Лобода, совершившій спеціальную экскурсію въ с. Каменку. По разсказамъ, записаннымъ г. Лободою со словъ гг. Давыдовыхъ, Пушкинъ работалъ «не отрываясь отъ бумаги, и однажды былъ такой случай: Пушкина позвали обѣдать; онъ велѣлъ лакею принести рубашку, чтобы переодѣться къ обѣду, а самъ продолжалъ писать; лакей принесъ рубашку, Пушкинъ пишетъ; лакей въ выжидательной позѣ стоитъ съ рубашкой, Пушкинъ не обращаетъ на него вниманія и пишетъ, пишетъ...»[1])

Дата рукописи князей Чагодаевыхъ «Кубань» колеблетъ это предположеніе и даетъ основаніе думать, что «Кавказскій Плѣнникъ» былъ написанъ еще до пріѣзда въ Каменку и, вѣроятнѣе всего, во время непродолжительнаго путешествія Пушкина съ Раевскими по Кубани и Кавказу. Дѣйствительно, въ записной книжкѣ поэта, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, существуетъ первоначальный планъ поэмы, набросанный Пушкинымъ въ августѣ 1820 года. Любопытно сопоставить этотъ планъ не столько съ самой поэмой, сколько съ письмомъ поэта къ брату Л. С. Пушкину, отъ 24-го сентября 1820 года. Планъ этотъ намѣчаетъ такого рода содержаніе:

1. Буря. Бешту. Пѣснь. Игры. Черкесъ. Дѣва. Воспоминанья. Нападенье. Прощаніе. Побѣгъ.
2. Черкесъ. Бой. Бѣгъ. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва.

---

1) Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами Кіевскаго университета. Кіевъ. 1899, отдѣлъ II, стр. 89—90.

3. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Бешту. Черкесы. Пиры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ.

Въ письмѣ же къ брату Пушкинъ говоритъ: «Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и можетъ быть сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи»[1]).

Сопоставленіе этихъ двухъ документовъ другъ съ другомъ и особенно съ эпилогомъ «Кавказскаго Плѣнника» показываетъ, что уже къ сентябрю мѣсяцу у Пушкина сложилась вполнѣ поэма въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ съ датою: «Каменка». Любопытна также одна подробность, быть можетъ, впрочемъ и случайнаго характера. Въ рукописи князей Чагодаевыхъ, противъ того мѣста, гдѣ говорится, какъ черкесы вспоминаютъ «о бранныхъ гибельныхъ тревогахъ», Пушкинымъ набросана мрачная фигура Наполеона, о химическомъ планѣ котораго онъ вспоминаетъ въ письмѣ къ брату въ связи все съ тѣми-же «гибельными тревогами» на Кавказѣ.

Мы, конечно, не беремся точно установить дату написанія Пушкинымъ поэмы или-же доказать, что наша рукопись является первою редакціей «Кавказскаго Плѣнника». Для этого мы не располагаемъ достаточнымъ количествомъ убѣдительныхъ данныхъ. Думаемъ только, что рукопись эта — во всякомъ случаѣ — представляетъ собой одну изъ наиболѣе раннихъ редакцій и что во всякомъ случаѣ въ датахъ, стоящихъ подъ печатнымъ текстомъ поэмы, не слѣдуетъ видѣть указаній на время и мѣсто написанія поэмы. Помимо вышеприведенныхъ соображеній и отмѣченныхъ выше при описаніи рукописи поправокъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одно письмо А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому. Уже 2-го февраля 1821 года, то есть почти за

1) Сочиненія, т. VII, стр. 9.

мѣсяцъ до той даты, которая стоитъ подъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ», Тургеневъ писалъ князю Вяземскому:

«На сихъ дняхъ Пушкинъ писалъ наконецъ сюда изъ какой-то Кіевской деревни отъ Давыдовыхъ (очевидно Каменки), и, en passant, сказалъ, что у него готова и вторая поэма» [1]).

Итакъ, общепринятая дата «Кавказскаго Плѣнника» не точна. То-же можно сказать и относительно даты, стоящей подъ эпилогомъ: «Одесса, 15-го мая 1821 года». Прежде всего этой даты не имѣется въ нашемъ спискѣ, несомнѣнно однимъ изъ наиболѣе раннихъ. Несмотря на это, уже эта дата появляется въ рукописи Румянцовскаго музея, представляющей собою позднѣйшій списокъ поэмы, какъ это можно судить по заключительной строфѣ эпилога. Конецъ этотъ, въ той формѣ, какъ онъ сложился у Пушкина первоначально, слишкомъ бравуренъ и очевидно не соотвѣтствовалъ дѣйствительному настроенію поэта, отразившемуся въ вышеприведенномъ письмѣ его къ брату и вылившемуся таки въ печатномъ окончаніи «Кавказскаго Плѣнника». Пушкинъ, поэтому, послѣ многихъ передѣлокъ, сердито вычеркнулъ его въ нашей рукописи. Другой варьантъ, однако, не выливался и онъ цѣликомъ внесъ эту строфу въ рукопись Румянцовскаго музея, но уже съ тѣми варьантами, которые онъ окончательно выработалъ на нашемъ спискѣ. Между тѣмъ, на спискѣ Румянцовскаго музея, съ одной стороны не первоначальномъ, а съ другой не окончательномъ, стоитъ уже извѣстная дата: «15-го мая 1821 года. Одесса».

IV.

Указанныя неточности въ датахъ «Кавказскаго Плѣнника» имѣютъ для насъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что указываютъ на упорную работу Пушкина надъ этой поэмой. Какъ извѣстно, самъ поэтъ былъ очень недоволенъ «Кавказскимъ Плѣнникомъ». Въ своихъ письмахъ, относящихся ко времени послѣ февраля 1821 года, онъ не разъ высказывалъ сожалѣніе, зачѣмъ его «Плѣнникъ» «не утопился вслѣдъ за черкешенкой», находилъ неудачнымъ характеръ плѣнника и прямо заявлялъ, что онъ ставитъ эту поэму ниже «Руслана и Людмилы» [2]).

1) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. II. С.-Пб. 1899, стр. 151.
2) Сочиненія, т. VII, стр. 25.

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно» — писалъ Пушкинъ Н. И. Гнѣдичу, — «такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать»[1]). И дѣйствительно, поэма пролежала у него въ рукописи больше года, въ теченіе котораго поэтъ хотя и работалъ надъ нею, но измѣнилъ немногое.

Рукопись князей Чагодаевыхъ также носитъ на себѣ не мало слѣдовъ этой работы. Выше, при ея описаніи, мы имѣли случай отмѣтить цѣлый рядъ варьянтовъ, выразившихся не только въ подборѣ поэтомъ отдѣльныхъ болѣе удачныхъ словъ, стиховъ, но даже отдѣльныхъ строфъ. Для характеристики Пушкина эта рукопись, живо отразившая на себѣ поэта въ моменты его поэтическаго творчества, представляетъ собою безспорно большой интересъ. Не характерна развѣ зачеркнутая Пушкинымъ строфа «Свобода», съ рисункомъ несущагося вскачь коня безъ всадника? Такъ и чувствуются здѣсь сомнѣнія поэта, который еще незадолго передъ тѣмъ «постигнутъ былъ гоненьемъ» и теперь колебался, оставить-ли въ поэмѣ свободолюбивыя мечты, вылившѝяся въ этой строфѣ? Интересно также наблюдать, какъ постепенно, подъ вліяніемъ Пушкинскихъ поправокъ, стихъ становился все болѣе и болѣе художественнымъ, какъ вырабатываетъ Пушкинъ лучшія формы. Нѣкоторое недоумѣніе вызыва̀ютъ, впрочемъ, два-три варьянта, которые не попали въ печатный текстъ, несмотря на свои художественныя преимущества надъ этимъ текстомъ. Къ числу такихъ варьянтовъ, нельзя не отнести, напримѣръ, слѣдующихъ: на страницѣ 282-й (Сочиненія, т. II) напечатано:

Быть можетъ сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Въ рукописи стоитъ:

Быть можетъ *сонъ давно забытый*
Боялся онъ воспоминать.

На страницѣ 285-й:

Могучій рокъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,

1) Сочиненія, т. VII, стр. 30.

Гдѣ на курганахъ *возвышенныхъ*,
Склонясь на копья, казаки и т. д.

Нельзя не признать болѣе удачной замѣны слова «возвышенныхъ» словомъ «омраченныхъ». Также точно заслуживаетъ вниманіе варьянтъ стиха (стр. 287):

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И въ радости младенцы плещутъ.

Рукопись князей Чагодаевыхъ даетъ варьянтъ, казалось-бы, болѣе правдивый:

И въ прахъ летятъ главы рабовъ
И жены робкія трепещутъ.

Почему такого рода поправки не попали въ печатный текстъ — это вопросъ, который можно было-бы рѣшить развѣ только путемъ изученія всѣхъ рукописей «Кавказскаго Плѣнника», что, кажется, невозможно.

Заканчивая свои замѣтки по поводу новаго списка «Кавказскаго Плѣнника», мы не можемъ не сдѣлать общаго заключенія о томъ, что списокъ этотъ представляетъ собой безспорно большое историко-литературное значеніе. Несомнѣнно передъ нами, если не первоначальная, то одна изъ наиболѣе раннихъ редакцій поэмы. Въ ней мы имѣемъ уже рядъ окончательныхъ поправокъ, которыхъ Пушкинъ уже не подвергъ дальнѣйшей переработкѣ. Если Бѣлинскій говорилъ, что каждая строка, написанная Пушкинымъ, для насъ драгоцѣнна, то какую-же цѣну долженъ имѣть прекрасно сохранившійся, носящій на себѣ слѣды поэтическаго творчества автографъ цѣлой поэмы?

Вл. Боцяновскій.

5½
3592 12/81
Ин 7254/83

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000055566668